

Иван Асташин на свободе / Фото из личного архива Асташиных

22.09.2020, 21:17 **Вся Россия**

ИНТЕРВЬЮ

«На публикации остро реагировали органы». Интервью экс- политзаключенного Ивана Асташина

21 сентября на свободу вышел фигурант «дела АБТО» Иван Асташин. Политзаключенный провел почти десять лет в колонии по делу о поджоге подоконника и нескольких стульев в одном из отделений ФСБ в Москве. Журналист Дмитрий Окрест расспросил, как сказывается на отношениях с администрацией колонии статус политзека, почему без поддержки снаружи тяжело сидеть, и о планах на будущее.

Асташин в 2009 году участвовал в акции, во время которой молодые люди бросили бутылку с зажигательной смесью в здание отделения ФСБ. В результате никто не пострадал. Тем не менее ФСБ объединило этот поджог с другими подобными эпизодами, и так родилось дело об «Автономной боевой террористической организации» (АБТО). Осужденные не раз заявляли, что в реальности такой организации не существовало — следствие объединило разные поджоги в единое дело.

По делу проходили десять молодых людей — две группы разных идеологических взглядов. По словам обвиняемых, это указывает на то, что они не могли совершить инкриминируемые им преступления как единая организация. Большинство из них приговорили к срокам от 6 до 12 лет колонии, всех судили по статьям о терроризме. Асташин получил сначала 13 лет — его признали лидером «АБТО», позже ему снизили срок до 9 лет и 9 месяцев. Под конец срока Асташину назначили 8 лет административного надзора, поскольку он был осужден **по статье о терроризме**.

Как бы вы лаконично описали свое дело?

— Это была акция протеста — закидали «коктейлями Молотова» здание ФСБ ночью, когда посчитали, что там никого нет. Мы хотели выразить протест против беспредела ФСБ. Если трактовать по УК, то это хулиганство. Согласен, что по российским законам мы нарушили, но не согласен с квалификацией.

Нашу акцию соединили с другим делом и нам нарисовали **ОПГ** плюс терроризм. Нас пять человек с ФСБ и другая группа. Они вчетвером сделали семь поджогов. Наши взгляды расходились — акции второй группы сами за себя говорят. Кроме отделений полиции они поджигали торговые палатки мигрантов.

Поддерживали связь с осужденными по вашему делу?

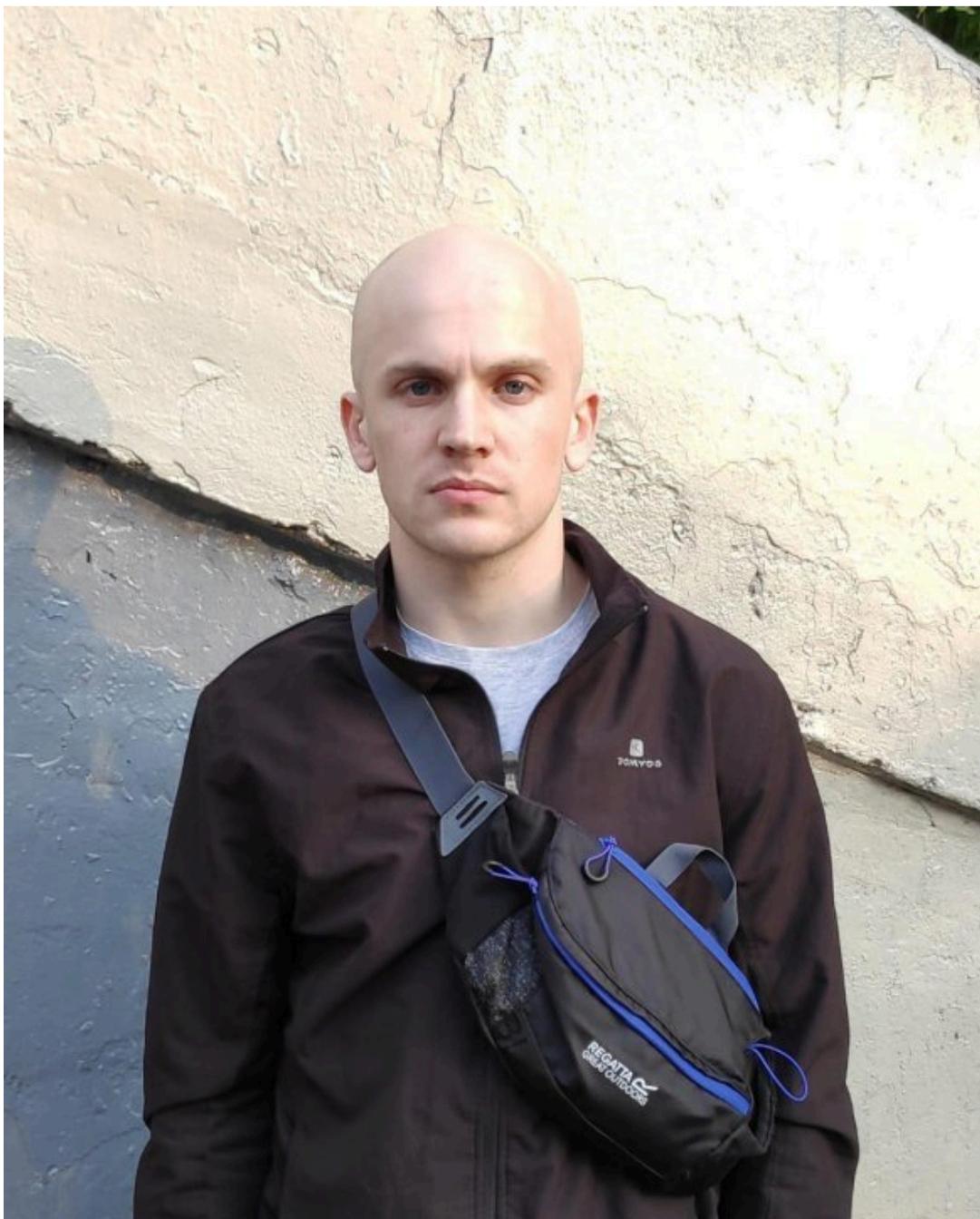
— С подельниками поддерживал связь. С теми, кто освободился, переписывались. С теми, кто сидел, обменивались приветами через общих знакомых.

Как вы опишете нынешние политические взгляды?

— Они эволюционировали, я ведь сел в 18 лет. Прежде у меня были более узкие взгляды, где-то, может быть, неправильные. Но как был за свободу и справедливость, так и остался. Сегодня все определения несколько устарели, и надо что-то новое. Вот называешь близкую идеологию — и сразу негатив. Ныне к любому политическому определению есть негативный образ — хоть либерал, хоть социалист, хоть анархист. Сейчас я ближе всего к антиавторитарным социалистам и либератариям.

Какие ощущения после суток на свободе?

— Ощущения, что все так и должно быть, что вышел на свободу. Москва, конечно, сильно изменилась — за 10 лет столько всего настроилось. Как схему метро увидел, так удивился — все эти новые кольца, диаметры. Я привык писать, а говорить долгими фразами немножко разучился — обычно между заключенными короткие диалоги и они достаточно специфические.

Иван Асташин после освобождения / Фото из личного архива Асташина

Что представляло из себя место заключения?

— Меня три раза в красноярскую колонию привозили, и последний год там пробыл. ИК-17 очень интересная — можно сказать, что федерального значения. Там сидит много известных личностей по громким делам. В СУСе (специальные более строгие условия содержания — *ОВД-Инфо*) отборный контингент: терроризм, ОПГ, бандитизм, нападения на сотрудников правоохранительных органов, шпионаж, мэры. Короче, не простая колония, но все-таки режимная.

Администрация практикует индивидуальный подход к каждому, потому вышла у меня непростая командировка — как говорится «форма, норма и режим», но там, по крайней мере, не принуждают к плохим вещам и не бьют так, как в других местах. К каким-то вещам я и сам привык, но, пожалуй, так-то дико звучит, что каждое утро зеки выполняют зарядку. А как иначе? Обычная санкция, что отведут в ЕПКТ (единое помещение камерного типа — это наиболее строгая изоляция, — *ОВД-Инфо*). Разные способы воздействия: физически, психологически, через других заключенных, в больнице применяли психотропные препараты.

До этого я сидел в Норильске — относительно спокойно сидел. Но в лагере стали происходить события. Например, в 2018 году были протесты заключенных — отказались брать баланду за исключением хлеба, так как качество пищи стало отвратительным. Но до голодовки дело не дошло. Пол-лагеря протестовало, а потом почти всех раскидали или закинули в более строгие условия. Меня тоже волна зацепила. Могло быть и хуже — ведь это Красноярск.

Причем в тот момент я еще жалобы писал. Меня администрация тогда часто спрашивала, зачем я помогаю другим заключенным жалобы писать. К тому же я террорист, публикуют статьи обо мне. Вот и закрыли в СУС. Когда вышла **статья** на «Сибирь.Реалии» о ломке зеков, то очень всполошились. Даже не ожидал такого эффекта. Несмотря на это, в ЕПКТ-31 все равно продолжались пытки.

Есть планы систематизировать накопленный опыт?

— Готов поделиться публично опытом, так как понимаю, насколько это важно — сесть может каждый в нашей стране. Я, безусловно, хочу сделать книгу обо всем этом. Часть материалов написана. Какую-то часть невозможно было вынести — все равно на шмоне бы такие записи

забрали. Много материала сейчас храню в голове, и в ближайшее время надо будет его изложить.

Помимо написания книги хочу заниматься правозащитной деятельностью. В какой-то степени опыта я набрался. Так сказать, получил юридическую специальность [поскольку часто писал жалобы] — только диплома нет. В частности, готов работать по поводу обращений в ЕСПЧ. Многие вещи нигде в кодексах не написаны, и можно лишь из собственного опыта понять, как действовать. Вот в одном регионе суды работают, в другом — только прокуратура, в третьем — колонии и прокуратуры не дружат, а иногда наоборот.

В медиа вас называют политзаключенным. Что дает подобный статус?

— Из-за этого было более специфическое отношение со стороны администрации. Они старались показать, что вроде как уважают, что считаются с моим мнением. Я это воспринимал как грубую лесть, как попытку подход найти. Не путем угроз, а иначе. Но эти штампованные фразы типа «ты вот умный человек» меня не трогали.

Когда человек публичный, отношение меняется. На ровном месте бить или пытаться не будут, так как это может оказаться в СМИ. В последнее время именно на публикации остро реагировали органы — даже прокуроры приходили. Это эффективней, чем когда пишешь десятки жалоб, а в ответ отписки. Зачастую в системе страдают те, у кого на свободе никого нет — даже родственников. Администрация это прекрасно понимает, вот и отрывается. Если спина прикрыта, то все более-менее хорошо.

Что важнее всего было получать в письмах с воли?

— Все зависит от интересов — политзаключенные ведь все разные. Кого юриспруденция интересует, кого медицина,

кого физика. Конечно, политические новости — казалось бы, они будут известны в газетах, но там ведь они далеко не все отражают. Даже «Новая газета», даже «Независимая газета» или «Собеседник». В итоге много о чем в них не считаешь. Вот, например, 2 сентября была апелляция по делу «Сети» в Пензе — я листал-листал газеты, а никакой информации не нашел. У меня был доступ только к «Независимой газете» и «Собеседнику», все остальное то есть, то нету. «Новую газету» в ИК-17 полностью запретили.

Как отразился коронавирус на тюремной жизни?

— Еще весной было достаточно позитивно: сотрудники ходили в масках, при входе у них проверяли температуру. Затем ситуация стала ухудшаться — вначале запретили свидания с родственниками. Потом свидания с адвокатами, хотя и так встречи проходили не конфиденциально, а как свидания с родственниками — через стекло и специальный телефон. Ничего нельзя было сообщить секретного своему защитнику, через стекло стали общаться.

Потом осужденных обязали маски носить — для этого разок выдали тряпичные маски. При выходе из камеры маски надо было надевать. В Красноярске был карантин все лето. При всем при том в колонию продолжали ездить разные сотрудники ГУФСИН.

В итоге мы все переболели, и я в том числе. Конечно, ничем не лечили — сами осужденные за свой счет затягивали лекарства. Этому не препятствовали, хотя официально ничего не признавалось и нигде официально не фиксировалось. Если у кого-то совсем было плохо, то в санчасть клали. Однако рацион изменился, и мы получили усиленный паек — прежде яйца, каши на молоке и мясные котлеты были небывалыми вещами.

Как сокамерники восприняли новость, что так называемое движение «Арестантское уголовное единство» (АУЕ) стало экстремистской организацией?

Основное слово при обсуждении — бред. Все были, мягко говоря, были удивлены. Все заключенные, можно сказать, состоят в АУЕ, даже сама администрация — в АУЕ. Когда ты приезжаешь в колонию, то первым делом спрашивают фамилию и кем живешь — «красным» [сотрудничаешь с администрацией], «мужиком» [основная масса заключенных] или «обиженным» [выполняют наиболее непрестижную работу]. В целом не заметил, что что-то изменилось — «АУЕ» и прежде никто не кричал в колонии.

Дело АБТО

Уголовное дело о серии поджогов, которые ФСБ квалифицировало как террористическую деятельность. Фигуранты дела не раз заявляли, что АБТО не в действительности не существовала.

5 24

Ещё почитать

28.02.2022 Москва

На бывшего политзека Ивана Асташина составили протокол о нарушении надзора из-за антивоенной акции